

Федор Сологуб

Красота

Федор Сологуб

Красота

«Public Domain»

1899

Сологуб Ф. К.

Красота / Ф. К. Сологуб — «Public Domain», 1899

«В строгом безмолвии вечеряющего дня Елена сидела одна, прямая и неподвижная, положив на колени белые, тонкие руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупные, медленные слезы катились по ее лицу, и темные глаза ее слабо мерцали. Нежно любимую мать схоронила она сегодня, и так как шумное горе и грубое участие людское были ей противны, то она на похоронах, и раньше, и потом, слушая утешения, воздерживалась от плача. Она осталась, наконец, одна, в своем белом покое, где все девственно чисто и строго, – и печальные мысли исторгли из ее глаз тихие слезы...»

Федор Сологуб

Красота

* * *

I

В строгом безмолвии вечеряющего дня Елена сидела одна, прямая и неподвижная, положив на колени белые, тонкие руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупные, медленные слезы катились по ее лицу, и темные глаза ее слабо мерцали.

Нежно любимую мать схоронила она сегодня, и так как шумное горе и грубое участие людское были ей противны, то она на похоронах, и раньше, и потом, слушая утешения, воздерживалась от плача. Она осталась, наконец, одна, в своем белом покое, где все девственно чисто и строго, – и печальные мысли исторгли из ее глаз тихие слезы.

Еленино платье, строгое и черное, лежало на ней печально, – как будто, облекая Елену в день скорби, не могла равнодушная одежда не отражать ее омраченной души. Елена вспоминала покойную мать, – и знала, что прежняя жизнь, мирная, ясная и строгая, умерла навсегда. Прежде чем начнется иное, Елена холодными слезами и неподвижной грустью поминала прошлое.

Ее мать умерла не старая. Она была прекрасна, как богиня древнего мира. Медленны и величавы были все ее движения. Ее лицо было, как бы обвеяно грустными мечтами о чем-то навеки утраченном или о чем-то желанном и недостижимом. Уже на нем давно, предвещательница смерти, ложилась темная бледность. Казалось, что великая усталость клонила к успокоению это прекрасное тело. Белые волосы между черными все заметнее становились на ее голове, и странно было Елене думать, что ее мать скоро будет старухой...

Елена встала, подошла к окну и медленно отодвинула тяжелый занавес, чтобы рассеять сумерки, которых она не любила. Но и оттуда, извне, томил ее взоры серый и тусклый полусвет, – и Елена опять села на свое место и терпеливо ждала черной ночи и плакала медленными и холодными слезами.

И наконец, настала ночь, в комнату принесли огонь, и Елена снова подошла к окну. Густая темнота окутывала улицу. Бедные и грубые предметы скучной обычности скрывались в черном покрове ночи, – и было что-то торжественное в этой печальной черноте. Против окна, у которого стояла Елена, слабо виднелся, на другой стороне улицы, при свете редких фонарей, маленький, кирпично-красный дом кузнеца. Фонари стояли далеко от него, – он казался черным.

Вдруг из раскрытой кузницы к воротам пронеслась медленно громадная красная искра, и мрак вокруг нее словно сгустился, – это кузнец пронес по улице кусок раскаленного железа. Внезапная зажглась радость в Елениной душе и заставила Елену тихо засмеяться, – в просторе безмолвного покоя пронесся звонкий и радостный смех.

И когда прошел кузнец, и скрылась красная в черном мраке искра, – Елена удивилась своей внезапной радости и удивилась тому, что она все еще нежно и трепетно играет в ее душе. Почему возникает, откуда приходит эта радость, исторгающая из груди смех и зажигающая огни в глазах, которые только что плакали? Не красота ли радует и волнует? И не всякое ли явление красоты радостно?

Мгновенная пронеслась она во мраке, рожденная от грубого вещества, и погасла, как и надлежит являться и проходить красоте, радуя и не насыщая взоров своим ярким и преходящим блеском...

Елена вышла в неосвещенный зал, где слабо пахло жасмином и ванилью, и открыла рояль; торжественные и простые мелодии полились из-под ее пальцев, и ее руки медленно двигались по белым и черным клавишам.

II

Елена любила быть одна, среди прекрасных вещей в своих комнатах, в убранстве которых преобладал белый цвет, в воздухе носились легкие и слабые благоухания, и мечталось о красоте так легко и радостно. Все благоухало здесь едва различными ароматами: Еленины одежды пахли розами и фиалками, драпировки – белыми акациями; цветущие гиацинты разливали свои сладкие и томные запахи. Было много книг, – Елена читала много, но только избранные и строгие творения.

С людьми Елене было тягостно, – люди говорят неправду, льстят, волнуются, выражают свои чувства преувеличенным и неприятным способом. В людях много нелепого и смешного: они подчиняются моде, употребляют зачем-то иностранные слова, имеют суетные желания. Елена была сдержанна с людьми и не могла любить ни одного из тех, кого встречала. Одна только была, которая стоила любви, мать, – потому что она была спокойная, прекрасная и правдивая. Елена хотела бы, чтобы и все люди стали когда-нибудь такими же, чтобы они поняли, что одна есть цель в жизни – красота, и устроили себе жизнь достойную и мудрую...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.